

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк пятьдесят четвёртый

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

КЕРИМ АББАС КУЛИ ХАН ЭРИВАНСКИЙ (1885 – 1937)

Керим родился в Эривани (Ереване) в семье Аббаса Кули Хана Эриванского и Тарлан Ханум Нахичеванской, дочери героя Баязета Исмаил Хана. Отец служил членом Эриванской городской управы, гласным городской думы.

После окончания Николаевского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища Керим в 1907 году начал службу корнетом 17-го драгунского Нижегородского полка, одного из самых заслуженных полков Русской Императорской армии. Полк дислоцировался в Тифлисе (Тбилиси).

В 1908 году Керима прикомандировали к Гатчинскому Кирасирскому полку, а в следующем году официально перевели в полк. Где поселился Керим

в нашем городе мне не известно, но, скорее всего, он, как и большинство вновь прибывающих на службу в полк корнетов, проживал при полку.

Ничем особенным не выделяясь по службе, поручик Керим Хан Эриванский неожиданно стал широко известен не только в Гатчине, но и в столице.

Произошло это так. В конце апреля 1912 года по Гатчине поползли слухи о состоявшейся в городе дуэли. У барьера сошлись два офицера, два представителя высшего круга: один – поручик Кирасирского Ея Величества полка Керим Аббас Кули Хан Эриванский, потомок персидского Эриванского наместника-сардара; другой – 26-летний лейтенант флота барон Лев Львович Жирар де Сукантон, сын командира 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-майора барона Льва Фёдоровича Жирар де Сукантона, в 1905 – 1907 годах командовавшего Кирасирским полком в Гатчине и жившего с тех пор в нашем городе.

Причина дуэли – личное столкновение, ссора на романической почве. Противники не стали скрывать желание устроить поединок и обратились за разрешением к военному и морскому начальствам: Обществу офицеров Кирасирского полка и Суду морских посредников Балтийского флота. Обе инстанции признали дуэль единственным выходом из создавшегося положения.

В четыре часа утра 25 апреля на поляну Приоратского парка собрались участники дуэли: оба противника, их секунданты (два морских офицера – со стороны барона, два офицера Кирасирского полка – со стороны Хана), представители Общества офицеров и Суда морских посредников, врачи Кирасирского полка – доктор А.А. Иванов и лекарь В.Э. Пиккель.

Секунданты ещё раз напомнили всем условия дуэли – стреляться из пистолетов с расстояния в 25 шагов, вручили противникам оружие и отправили на исходные позиции.

Барон и Хан начали приближаться к барьеру. Первым же выстрелом Хан Эриванский попал барону в правую сторону груди. К упавшему барону подбежали секунданты и врач Пиккель. Здесь же, на месте, раненому, быстро впавшему в полубессознательное состояние, была оказана помощь. Пуля, как оказалось, застряла в правом плече.

Раненого доставили в расположенный неподалёку лазарет Кирасирского полка, сделали перевязку, перевезли на Варшавский вокзал и с утренним поездом отправили в Петербург, где поместили в отдельную палату Биржевой барачной больницы. На всём пути следования раненого сопровождал его отец, генерал-майор Лев Фёдорович Жирар де Сукантон.

Под руководством главного врача больницы, Почётного лейб-хирурга К.П. Добровского, рана офицера была обследована на рентгене. Результаты получились неутешительные. Пуля находилась в простреленном правом лёгком. Положение признали очень серьёзным, но жизнь раненого, если не начнутся осложнения, находилась вне опасности.

Больного постоянно навещали его товарищи-моряки и отец. Молодой организм успешно справлялся с недугом и по прошествии недолгого времени лейтенант Жирар де Сукантон был выписан из больницы в удовлетворительном состоянии.

Во время Великой войны 1914 – 1918 годов лейтенант барон Жирар де Сукантон был ординарцем командира Кавказской туземной конной дивизии, Великого Князя Михаила Александровича. Кстати, дом Великого Князя располагался в Гатчине почти рядом с домом Жираров на Николаевской улице. Дом, где жила семья Жирар де Сукантонов, имел номер 20, а дом Великого Князя – номер 24. Это я к тому, что во время той войны Великий Князь Михаил Александрович много общался с Керимом Ханом Эриванским, которого хорошо

знал ещё со времени их совместной службы в Кирасирском полку. А во время войны Керим был офицером Кабардинского конного полка и адъютантом командира этого полка полковника графа Иллариона Воронцова-Дашкова, в свою очередь, адъютанта Великого Князя. Напомню, что во время войны Великий Князь командовал дивизией, в которую входил и Кабардинский конный полк.

Вернёмся чуть назад. Ещё служа в Гатчинском Кирасирском полку, Керим стал хорошим знакомым Великого Князя Михаила Александровича. Автограф Керима стоит на дарственном палаше, преподнесённом Великому Князю офицерами полка в 1909 году.

Вскоре после дуэли Керим Хан Эриванский был отчислен из полка. Официальной причиной стало появление Керима в театральной ложе в компании с Наталией Вульферт, женой офицера полка. О том как развивались отношения между нею и Великим Князем, рассказано в моих книгах и очерках в интернете. А вот, что вспоминал по этому поводу офицер Кирасирского полка В.С. Трубецкой в своих «Записках кирасира»:

«Но больше всего, пожалуй, поразило меня первое общее собрание господ офицеров, которое было созвано через несколько дней после моего производства. Дело касалось полковой чести...

Первым долгом фон Шведер (Эдуард Николаевич, полковник, помощник командира полка по строевой части – В.К.) сообщил нам о постыдном поступке нашего корнета Z**. Этот корнет вёл жизнь выше своих средств и залез в долги...

- Благодарю вас, - холодно поклонился полковник и перешёл ко второму вопросу, изумившему меня своей необыкновенностью:

- Господа, - снова начал полковник, ещё более понизив голос, - до нашего сведения дошло, что на этих днях один наш офицер, а именно, поручик Хан-Эриванский, находясь в Петербурге, позволил себе показаться в ложе театра в небольшой компании, среди которой находилась некая известная вам дама. Дама, которая своими поступками в своё время бросила тень на наш полк, и которая (как всем хорошо известно) навлекла на полк неудовольствие нашего Августейшего шефа - обожаемой нами Императрицы. Казалось бы, этого уже само по себе совершенно достаточно для того, чтобы наши офицеры раз и навсегда порвали всякие отношения с этой особой, очернившей полк. К глубокому моему сожалению, у нас нашёлся всё же офицер, не пожелавший этого понять! Появление Хана-Эриванского рядом с этой дамой в общественном месте может быть рассматриваемо как возмутительная демонстрация, как своего рода протест перед Двором – поступок, отнюдь не достойный кирасира! Господа, есть вещи, которые мы не имеем права прощать и старшие офицеры полка считают, что отныне поручику Хану-Эриванскому нет более места в Кирасирском полку. Поручику предложено в двадцать четыре часа подать рапорт об увольнении в запас...

- Никто не возражает, надеюсь? - спросил Эдуард Николаевич, обводя присутствующих злыми глазами. Молчание.

- Благодарю вас! - поклонился полковник и, сделав выдержку, продолжал:

- Случай с поручиком Ханом-Эриванским вынуждает меня ещё раз предупредить, что если кто-либо из вас паче чаяния до сего времени всё ещё не порвал знакомства с этой особой, - то чтобы он не-за-мед-лил это сде-лать. Если до моего сведения дойдёт, что кто-либо из наших офицеров продолжает кланяться этой даме при встрече, предупреждаю: этого офицера мгновенно постигнет участь поручика Хана-Эриванского. Вы не имеете права ни общаться с ней, ни здороваться, ни даже произносить в обществе её имя. Итак, господа, общее собрание считаю оконченным».

Все офицеры полка неукоснительно соблюдали указание полковника. И лишь Керим Хан Эриванский, находясь, правда, уже вне полка, продолжал поддерживать знакомство с Наталией Сергеевной и Великим Князем, вскоре ставшим её мужем.

Назначенный в августе 1914 года адъютантом Кабардинского конного полка поручик Керим Хан Эриванский в первых же боях Великой войны выказал храбрость, за что был награждён орденом св. Анны 4-й степени с

надписью «За храбрость». А 17 февраля 1915 года Керим отличился в ночном бою у деревни Майдан в Лесистых Карпатах и был представлен к Георгиевскому оружию. Из наградного представления командира полка Иллариона Воронцова-Дашкова:

«Штабс-ротмистр Хан Эриванский, исполняя обязанности полкового адъютанта, в ночном бою у д. Майдан 17-го февраля 1915 года был послан с поручением особой важности, а именно: восстановить связь между Кабардинским конным полком, действующим под моей командой и правым флангом отряда генерала Стаховича. Стрелковая цепь, наступая в густом лесу, совершенно потеряла связь с соседними частями, что ставило весь отряд в крайне опасное положение. Штабс-ротмистр. Хан Эриванский под убийственным огнём противника, подвергая свою жизнь опасности, успешно выполнил возложенную на него задачу. Независимо от сего, отправившись на разведку неприятельской позиции, подошёл на 50 шагов к австрийским окопам и доставил полные сведения о расположении и тылах, противника, чем оказал существенную помощь действиям всего отряда».

Представление, к сожалению, было тогда отклонено. Но Георгиевское оружие Керим всё-таки получил и произошло это два с лишним года спустя, 8 октября 1917 года, когда Керим командовал 4-й сотней Кабардинского конного полка.

Ещё ранее, 25 марта 1917 года, ротмистр Керим Хан Эриванский был награждён орденом св. Анны 2-й степени с мечами.

Во время Великой войны воины Кавказской туземной конной дивизии, известной также под именем Дикой дивизии, покрыли себя славой в боях и походах. Едва ли не половина всадников и офицеров дивизии стали Георгиевскими кавалерами.

Кавказская конная дивизия была сформирована на добровольной основе из мусульман Кавказа и Закавказья (представители коренных народов тех мест не подлежали призыву на военную службу) и (в основном) по национальному признаку. Так, в Кабардинском конном полку состояло 615 человек, из них 431 кабардинец, 75 балкарцев; остальные представляли другие национальности.

Керим Хан Эриванский был женат на княжне Инне Александровне. Супруги входили в круг гатчинских знакомых Великого Князя Михаила Александровича и его жены Натальи Сергеевны, которые в своих письмах и воспоминаниях не раз упоминали о них. Керим и Инна Александровна много раз бывали в доме Великого Князя в Гатчине.

Великий Князь часто встречался с Керимом и на фронте во время Великой войны, поскольку тот служил в возглавляемой Великим Князем Кавказской конной дивизии. На фронте бывала и Инна Александровна.

Великий Князь Наталье Сергеевне в Гатчину 12 – 14 апреля 1915 года (Тлустэ):

«Сёстры 22-го санитарного отряда, с лёгкой руки Инны А[лександровны] [Эриванской], все получили Георгиевские медали».

Великий Князь Наталье Сергеевне в Гатчину 20 – 23 июня 1915 года:

«Инна Алек[сандровна] [Эриванская] на этих днях уехала в Петроград, наверное, ты её вскоре повидашь. В их отряде (22-м санитарном – В.К.) постоянные недоразумения и ссоры и соревнования между сёстрами, кто там прав, кто виноват, совершенно невозможно сказать, я думаю, что все виноваты. У нас теперь ушли две хорошие сестры: Старосельская и Лебедева. Инне А[лександровне] я посоветовал оттуда уйти, посоветуй и ты, а то у неё постоянно выходят какие-нибудь обиды и, в конце концов, может случиться какое-нибудь крупное недоразумение, что будет крайне неприятно ей самой и её друзьям. Она хороший человек, но очень невыдержанная, да и повиноваться не умеет, и вот те причины, почему таким натурам не стоит даже и стараться служить, всё равно ничего хорошего не выйдет из этого. Не скажи ей только, что я о ней написал».

Великий Князь Наталье Сергеевне в Гатчину 26 февраля – 8 марта 1916 года (Каменец):

«В день отъезда из Каменца мы во второй раз поехали на кабанов. Охота была в имении Крупенского, кто он не знаю, его не было там. Ехали мы всего 15 верст на автомобиле, затем по имению на лошадях верст 7. Всего было пять номеров, четыре загона; стреляли все, кроме меня, ко мне выходил кабан, я даже целился, но мелкий лес был такой густой, я был уверен, что пуля до него не долетит и поэтому решил не стрелять. Местный доктор убил небольшую свинью, которая имела вид домашней – чёрная с белыми пятнами; губернатор и Керим ранили по кабану. Погода была отвратительная: ветер, холод и темнота. Я вернулся обратно с головной болью. После обеда я поехал прощаться с

Лечицким, и затем с поездом отправились в Гусятин в штаб VII армии, куда прибыли на следующее утро и завтракали в штабе армии с генерал-адъютантом Щербачевым, хороший, энергичный генерал и симпатичный человек. Днём оттуда выехали сюда по железной дороге и через полтора часа были уже здесь. Дом, в котором мы, т. е. [Н.А.] Врангель, [И.И.] Воронцов [-Дашков], Керим [Эриванский], [В.А.] Вяземский и я, помещаемся, вполне приличен, стоит на большой дороге Тарнополь – Залещики, в самом мес. Копычинце. Конечно, местечко это загажено страшно и переполнено, дороги в данный момент очень и очень трудно проходимы из-за глубокой грязи, а главным образом снега, которого мало, но местами небольшие, но крепкие заносы. Пока это не исправится, мне приходится сидеть дома, разъезжать почти невозможно. Мои три дивизии находятся в резерве и довольно далеко отсюда».

Великий Князь Наталья Сергеевне в Гатчину 2 – 5 мая 1916 года (Новое Поречье, Подольской губернии):

«Погода, когда мы приехали сюда, была жаркая и солнечная, а несколько последних дней изменилась к худшему, шли дожди, сильный ветер и стало просто холодно, пришлось даже протопить печи. Сегодня опять теплее, но ветер сильнейший. Зелень, конечно, совсем летняя, кроме дубов, которые совсем мало распустились. Черёмуха уже отцвела, сирень в полном разгаре. Днем мы, т. е. [В.А.] Вяземский, Керим и я ежедневно делаем большие прогулки верхом по полям, т. к. лесов здесь почти нет, всё чернозём и много глубоких оврагов, не могу сказать, чтобы эта губерния мне нравилась...

Ужас, как жалко Буль и тоже так неожиданно это случилось, как два месяца тому назад с милым Джеком. Ты, вероятно, похоронила его там же в саду?

Бедный милый Були, не могу тебе сказать, как я его жалею, и тем более, что он так страдал. (Вот в эту минуту я получил твою телеграмму, в которой ты пишешь, что исследование Були показало бешенство.) Мне это кажется почти неправдоподобным, такой молоденький и никто его не кусал, и какая досада, что теперь приходится Бойку сажать в карантин, вот правда, не везет нам с собаками. Я надеюсь, что Бойка останется совсем здоровым. Чтобы не быть в доме без собаки, возьми Куку, он хороший сторож и ласковый. Как досадно, что Цезарь болен и не мог ко мне приехать. Ввиду этого, Керим хочет выписать своего «спаньюэль», ты его видела зимой у Инны А[лександровны] [Эриванской]».

Великий Князь Наталья Сергеевне в Гатчину 10 мая 1916 года (Новое Поречье):

«Пользуюсь поездкой Керима в Петроград, чтобы тебе послать это небольшое письмо. Инна А[лександровна] [Эриванская] мне на этих днях прислала три телеграммы, прося меня послать Керима в Петроград. Дело в том, что она, вероятно, опять переходит в лютеранство. Керим очень неохотно едет, но я удивился всё-таки, как он быстро согласился на эту поездку.

На этих днях [Н.А.] Врангель будет произведен в генералы и, таким образом, освободится вакансия на адъютанта; ввиду этого спрашиваю твоего согласия на назначение на эту должность Керима; правда, что не я первый об этом подумал, а он сам скромно об этом попросил. Я ему сказал, что посоветуюсь с тобой, а лично против этого я ничего не имею. Наташа, я нахожу, что его вполне можно взять на эту должность, а главное, что он глубоко преданный нам обоим и очень честный человек, за войну, он умственно сильно развернулся и вообще совсем не глуп, как ты привыкла на

него смотреть. Конечно, для него это будет большим счастьем, и если ты только согласишься, то самое лучшее было бы, если б ты сама ему объявила о твоём согласии. Он не знает, что я тебе в этом письме пишу о нём. Если Керим будет назначен адъютантом, тогда откроется вакансия на его теперешнюю должность, на которую я мог бы взять Павла Николаевича [Трескина], который сейчас находится в тяжёлых условиях, как ты помнишь из его последнего письма. В денежном отношении это почти никакой разницы не сделает.

Вот это, значит, первый вопрос, а второе дело, это о возможном твоём приезде сюда, не откладывая этой поездки слишком далеко по той причине, что никто не может сказать, долго ли ещё здесь останемся или же по изменившимся обстоятельствам нас куда-нибудь двинут вперёд; пока же мы здесь живём тихо и мирно, и если только тебя это не расстраивает, то я был бы более чем счастлив твоему приезду сюда на несколько дней. Лучше было бы, если б ты приехала сюда одна без кого-либо из дам, оставив таковую в Киеве.

Я хотел написать больше, но меня очень часто перебивали, и в результате у меня больше нет времени до отъезда Керима...».

Из этого письма мы узнаём, что жена Керима Хана Эриванского, княжна Инна Александровна, меняла вероисповедание. А сам Керим рассматривался как кандидатура на должность адъютанта Великого Князя.

Великий Князь Наталья Сергеевне в Гатчину 1 июля 1916 года (м. Поток Злоты, Галиция):

«Сегодня утром совершенно неожиданно для нас всех, приехала Инна Александровна [Эриванская] с фразой: когда гора не подходит к Магомету, тогда Магомет подходит к горе. Дело в том, что она недавно просила Керима приехать в Петроград, из-за двух бумаг по Консистории, но так как Керим не приехал, то она решила сама приехать сюда с этими бумагами, а в 7 ч. вечера она уезжает обратно. Я очень рад этому случаю только из-за лишнего случая тебе написать маленькое письмо. Сегодня выезжает курьер, с нетерпением жду твоё письмо и надеюсь, что он не проведёт лишние сутки в пути, как это было с последним курьером, ввиду того, что в Управлении дали неправильный билет, и он ехал на Курск, а не прямо на Киев.

Я рад буду получить лайку, которая меня будет развлекать в тоскливые моменты нашей походной жизни, а таких моментов очень много, из-за неё буду чаще гулять, а то я слишком мало двигаюсь, а без движения я просто не могу жить. Здесь только одно развлечение – ездить на позицию, но это приходится делать редко, да и то, что это за движение, если часть дороги сделаешь на автомобиле, затем верхом, а на месте обойдёшь пешком, а бесцельные делать прогулки здесь очень скучно, это не то, что дома, где постоянно хочется прогуляться или прокатиться.

Наташечка, на днях в Гатчину должны прибыть три буланные лошади, купленные Керимом в одном из транспортов. Славные лошадки, совсем маленькие и съезжены в тройку. Когда они у кучера пойдут хорошо, тогда покатайся с детьми в Зверинце. У меня в детстве была такая же четвёрка; а ещё раньше я послал тоже в Гатчину пару маленьких вороных, она уже в Гатчине, спроси у Кононова, хорошо ли они идут. Я их купил в Ломне в 1914 году в декабре у несчастного русина, им было тогда по два года. Тут они хорошо работали и возили всё время повозку, я тебе, кажется, показывал их фотографию».

Великий Князь Наталья Сергеевне в Гатчину 3 – 7 июля 1916 года (м. Поток Злоты, Галиция):

«Надеюсь из твоего письма узнать, как ты проводишь время в Гатчине, много ли гуляешь, катаешься ли, бывают ли пикники? Я случайно вспомнил о Бирюкове и о том, что мы хотели ему сделать подарок (именного ничего не надо давать), а просто хороший подарок, может быть, ты позаботишься об этом, а также узнай, пожалуйста, через Алёшу, было ли сделано распоряжение моему Управлению выдавать Инне Александровне (Эриванской – В.К.) ту сумму, которую получал Керим; не помню точно 250 р. или 200 в месяц, начиная, кажется с 1 февраля. Инна А[лександровна] меня об этом больше никогда не просила, а я сам об этом много раз вспоминал и опять забывал».

**Один из флигелей бывшего дома Великого Князя Михаила Александровича (№ 24 на улице Урицкого, бывшей Николаевской, в Гатчине).
Здесь много раз бывали Керим Хан Эриванский и его жена Инна Александровна.
Фото автора. 2013 год**

Великий Князь Наталья Сергеевна в Гатчину 12 – 16 июля 1916 года (м. Поток Злоты, Галиция):

«Стоим мы пока на месте, сижу я дома обыкновенно до 5 ч., а затем делаю прогулку пешком, со мною ходят Врангель и Керим, у Котона (Константин Антонович, врач Городового госпиталя в Гатчине, хороший знакомый и лечащий врач семьи Великого Князя Михаила Александровича – В.К.) нет подходящих сапог, а у Вяземского последнее время от ходьбы болит нога выше колена. Котон премилый, хотя он мне и прежде нравился, мы много о тебе говорим, как он, так и его жена тебя страшно любят и преданны тебе».

Наступил 1917 год. Из воспоминаний офицера А.А. Арсеньева о его службе в Кабардинском конном полку мы узнаём интересные подробности того,

как 4-я сотня этого полка, которой командовал ротмистр Керим Хан Эриванский, участвовала в попытке наведения порядка в Петрограде в марте 1917 года:

По прибытии в полк я был назначен в 4-ую мало-кабардинскую сотню, которой командовал ротмистр Хан Эриванский, коренной синий кирасир, в эти дни отсутствовавший. Заменял его поручик Магомет Абаев.

Мысль перевести туземные полки в район столицы появилась у главного командования ещё в декабре 1916 года, так как поддержание порядка в столице не могло быть обеспечено находившимися в ней запасными батальонами, представлявшими собой ненадёжный и малодисциплинированный элемент. К сожалению, что-то или кто-то помешали осуществлению этого плана.

Переброска частей туземного корпуса по железной дороге производилась не спеша и постепенно, чтобы не обратить на себя внимания революционных элементов. Наш полк, прибыв на станцию Дно, впервые почувствовал на себе серьёзный натиск революционной пропаганды. Тёмные силы революции, видимо, хорошо знали, что подорвать дисциплину в полку обычными путями им не удастся и направили удар по совершенно неожиданному для нас направлению. Среди всадников и некоторых младших офицеров, кабардинцев по крови, была умело разбужена стародавняя и давно уже изжитая народом племенная вражда кабардинцев к осетинам. Оснований к этой розни у нас в полку не было никаких, офицеры наши из осетин всегда пользовались и уважением и любовью, вполне ими заслуженными. Тем не менее, пропаганда возымела успех. На станции Дно был собран полковой митинг и кем-то заранее подготовленные ораторы выступили с несправедливой критикой осетин. Те, конечно, не остались в долгу и, если бы не самоотверженное выступление доктора Бек-Мурзы-Шегенева, кинувшегося в массу разъярённых всадников, дело не обошлось бы без крови. Доктор Шегенев, представитель одного из самых почитаемых родов Кабарды, пользовался особым уважением кабардинцев, и только его горячее вмешательство внесло до некоторой степени успокоение.

Конечно, после этого митинга пребывание осетин в рядах Кабардинского полка стало невозможным, и они, к общему и глубокому сожалению нас, офицеров, вынуждены были покинуть ряды полка тем более, что в состав туземного корпуса были уже введены осетинские национальные части.

В районе станции Дно туземным полкам был назначен отдых, и наша сотня была расквартирована в с. Новосokolьники. Не могу сказать, сколько дней провели мы там тихо и спокойно. Внезапно была получена телеграмма: спешно грузиться и следовать на Петроград. Приказ был очень краток и сух, но согласно неофициальным к нему дополнениям стало ясно, что движение наше может сопровождаться боевыми столкновениями с революционно настроенными частями войск, не желавшими нашего прибытия в столицу. Обстановка, таким образом, сложилась смутная до крайности. На станции Дно были повсюду расклеены призывы Керенского с новым для нас обращением «всем, всем, всем!» В них говорилось, что «завоевания революции в опасности» и все призывались к исполнению своего долга, но кто были враги этих «завоеваний» оставалось неясным.

В Кабардинском полку первым эшелонам следовала наша 4-я сотня, впереди же всего корпуса, по слухам, следовали ингуши. Погрузка была произведена быстро, и мы немедленно тронулись. В сотне насчитывалось 250 шашек и в том числе собственная пулемётная команда из балкарцев. Так как обстановка была нам совершенно неизвестна, то осторожный командир сотни Хан Эриванский приказал поставить на паровоз пулемёт при офицере и

нескольких всадниках и отдал приказ сотне быть в боевой готовности. Со своей всегдашней лукавой улыбкой Хан при этом сказал: «Вот придём в Петроград и прямо оттуда походным порядком в Царское, к Великому Князю, возводить его на престол...» Всадники слушали это и радостно поддерживали своего командира.

По доходившим до нас отрывочным сведениям где-то впереди расквартированная пехотная дивизия была намерена преградить нам путь и отрезать сообщение с Петроградом. Настала очень тревожная ночь, когда все были начеку. Поезд шёл без фонарей и без освещения, причём шел очень неравномерно, с частыми и длительными остановками. Среди ночи, на одной из остановок я был разбужен от дремоты суматохой около нашего вагона и чьим-то энергичным возгласом: «Застрелю, как собаку!» Я пошёл узнать, в чём дело. Поезд, однако, в это время тронулся, и на площадку нашего вагона уже на ходу вскочил вольноопределяющийся 2-го Дагестанского полка с двумя всадниками. Он сказал мне, что, действительно, пехотная дивизия идёт к линии железной дороги, чтобы остановить движение и что начальник полустанка только что пытался его задержать и не пустить сесть в наш поезд. Мы уже имели случаи наблюдать среди железнодорожников враждебное к нам отношение. По-видимому, впереди нас уже прошли какие-то эшелоны, но какие именно, мы не знали. К рассвету мы подошли к станции Челево, окружённой густым хвойным лесом. Начальник станции сообщил, что впереди путь разобран. Хан Эриванский всё ещё не был осведомлён об обстановке, и мы остались здесь ждать дальнейших указаний. На станции оказался небольшой эшелон осетин-пехотинцев нашего туземного корпуса, остановившийся здесь и заявивший, что на Петроград он идти не желает. Вскоре подошёл эшелон штаба корпуса в котором находился вагон командира корпуса, князя Багратиона, и какая-то обозная часть, причём над вагонами обозных и писарских команд развевались огромные красные флаги с надписями: «За землю и волю — с оружием в руках!»

В этот решительный момент князь Багратион проявил барское прекраснодушие и вместо решительного приказа продолжать движение отправился к митинговавшим осетинам, которых стал убеждать и уговаривать. Такое поведение командира корпуса придало бунтовщикам бодрости, и они заявили, что и сами не пойдут и нам не позволят идти дальше, в случае же отказа исполнить это их требование, перебьют всех нас из пулемётов. Их поддержало в этом и всё нестроевое отребье, следовавшее в эшелоне князя Багратиона. Лично я видел сплочённую группу осетин, человек не более пятидесяти, как всегда бывает — руководящее ядро, большинство же молчало и ждало, что будет дальше.

Я возвращался к своему вагону после митинга, когда меня догнал один из офицеров штаба с приказанием Багратиона явиться к нему. Штабной эшелон находился позади нашего, и командира корпуса я встретил в коридоре его вагона. Он встретил меня, как всегда, приветливо и предложил войти с ним в купе, куда захлопнул дверь. Здесь он дал мне ответственное поручение: взять с собой разъезд из 10 всадников и, ввиду того, что путь впереди разобран, дойти в конном строю до следующей станции и, если там окажется какой-либо из наших эшелонов, то передать его начальнику два конверта с донесениями для отсылки генералу Крымову. Если же дойти до следующей станции окажется невозможным или если эшелона на ней не окажется, то следовать дальше окольным путём и лично передать донесения генералу Крымову, который находится в 60 верстах от нашей остановки, в местечке М.

«Передайте ему мои донесения и расскажите, что видели сами, и то, что железнодорожники чинят препятствия дальнейшему продвижению эшелонов. Сгрузите лошадей и отправляйтесь сейчас же!»

Он передал мне два больших запечатанных конверта и любезно со мною простился. Я положил донесения за борт черкески и пошёл доложить Хану о данном мне командиром корпуса поручении. Почему он выбрал меня для этого дела, когда при нём находился штат офицеров штаба, не знаю. Считал ли он, что строевой офицер исполнит его успешнее или это было особое ко мне доверие? Меня он знал по короткому моему пребыванию в штабе дивизии.

К моему удивлению и возмущению мой взводный урядник, кабардинец Измаил Охов, Георгиевский кавалер, хорошо говоривший по-русски и всегда подтянутый и исполнительный, узнав, что надо идти к следующей станции, запротестовал: «Нас всех осетины перестреляют, они же сказали! Мы, бедные, не знаем, на что идем!»

Я понял, что пропаганда и смутная обстановка, в которой не могли разобраться всадники, коснулась и этого верного человека, и я решил действовать на самолюбие всадников: «Как, неужели же кабардинцы боятся осетин? Если так, я еду один. Кто не боится, тот поедет со мной!»

На это тотчас же отозвалось гораздо больше людей, чем было нужно. Сконфуженный таким оборотом дела Охов стал что-то горячо объяснять всадникам, но кабардинцы смотрели только на меня и его не слушали. Такого было доверие этих людей к русскому офицеру, слов которого они часто не все понимали. Отобрав 10 человек, я приказал сгружать коней, что было делом не лёгким из-за отсутствия сходен. В этот момент ко мне подбежал штабной офицер со словами: «Приказание отставлено!» Ещё до его появления я обратил внимание на шум и крики, доносившиеся со станции, перрон которой был запружен галдевшей и жестикулировавшей толпой, посреди которой возвышалась чья-то высокая фигура, стоявшая, видимо, на столе или на стуле, и также размахивавшая руками. Подойдя, я узнал в ней князя Багратиона. Миновав свой вагон, я приблизился к митингу. Тут были перемешаны все, осетины и обозники, не было только наших всадников-кабардинцев, которым Хан приказал остаться в вагонах. До меня долетели слова Багратиона, старавшегося перекричать гомон толпы: «Товарищи!.. Товарищи!.. Я, как и вы, был обманут... Я тоже не знал, зачем нас ведут... Пусть сейчас же соберётся комитет, пусть даст по телеграфу приказание всем эшелонам остановиться... Приставить к телеграфу часовых и не допускать к нему никого, кроме членов комитета!..» Я не поверил своим ушам... Видя, что его никто не слушает, генерал слез со своего пьедестала и начал проталкиваться среди галдящей и толкающей его толпы, не обращавшей на генерала никакого внимания.

«И это командир корпуса!» подумал я, «при наличии в его распоряжении 250 надежных и дисциплинированных всадников!».

«Ваше Сиятельство, прикажете вернуть вам донесения?»

Он весь дёрнулся, как от электрического тока: «Ах, голубчик, давайте, давайте их!..» Он нервным движением выхватил у меня из рук оба конверта, видимо, совсем забыв о такой страшной улике. Я откланялся и побрёл к себе. На душе у меня было скверно.

Через некоторое время за мной зашёл один знакомый офицер штаба, бывший, как и я, членом корпусного комитета, и предложил пойти на его заседание, где решалась судьба нашего движения и нас самих. Было бы наивно думать, что наши голоса могли бы что-нибудь значить, — всё было решено заранее и нам, конечно, не дали бы говорить, а то и просто не пустили бы на заседание, но было интересно взглянуть хотя бы, и мы пошли.

Толпа перед станцией уже значительно поредела. Комитет собрался в дежурной комнате станции, небольшой и битком набитой людьми комнатке. В общей давке никто не обратил на нас внимания и нам удалось протиснуться ближе к столу, за которым, прижатые к нему толпой, сидели какие-то четыре неизвестных «товарища», чёрные и лохматые. Трудно было даже сказать,

военные ли это. Вероятно, это были руководители из Петрограда. Они были единственными людьми, сохранявшими спокойствие: все остальные кричали и бесновались, никто никого не слушал, и каждый орал своё. Комната была полна табачного дыма. Знакомых лиц мы почти не видели: комитет, по своему составу, был, очевидно, явочного характера. Но какое значение могло иметь это обстоятельство, и кто стал бы проверять полномочия присутствовавших?

Четверо «товарищей» о чём-то переговаривались и что-то писали. За их спинами, притиснутый к ним, торчал старший писарь нашего штаба дивизии, по фамилии, кажется, Данилов, молодой всегда развязный и весь какой-то развинченный, но тем не менее пользовавшийся среди писарской команды политическим авторитетом. Он кричал и жестикулировал больше всех, брызгая слюной, лицо его было бледно, волосы растрёпаны. Потрясая над головой чьей-то винтовкой, он орал истошным голосом: «Товарищи, нас ведут на братоубийственную бойню!.. Ни шагу к Петрограду!... За мной — на фронт, я сам вас поведу!..» Никто его не слушал. У меня мелькнула мысль, что этот человек старается, вероятно, отработать полученный откуда-то «аванс». В общем гаме выделялись возгласы, призывавшие расправиться с командованием, с офицерами... Мы с моим спутником переглянулись и, незаметно отстегнув кобуры с револьверами, стали проталкиваться к выходу. Вся власть с этого момента перешла к комитету. Не помню, сколько ещё времени простояли наши эшелоны на станции Челево. Мы, офицеры, ожидали решения нашей участи, но эксцессов не последовало, нас побоялись тронуть. Наконец составы потянулись назад, на станцию Дно.

Корниловское движение «захлебнулось», перевернулась страница истории, и нас перебросили на Кавказ».

Во время Гражданской войны, в начале 1919 года, в Вооружённых силах Юга России была сформирована Кабардинская конная дивизия, состоящая из нескольких Кабардинских конных полков, офицерами в которых стали почти все офицеры, участвовавшие в Великой войне в составе Кабардинского конного полка, в том числе и Керим Хан Эриванский.

В 1919 году ротмистр Керим Хан Эриванский временно командовал 2-м Кабардинским конным полком. 21 августа правитель Кабарды генерал Бекович-Черкасский получил от Керима с Царицынского фронта телеграмму:

«Прошу объявить старикам кабардинцам, что девятнадцатого числа полк в лихой атаке взял два пулемёта, много оружия и патронов, изрубив часть красного конного третьего полка, остальные разбежались».

30 августа того же года Керим Хан Эриванский направил генералу новую телеграмму:

«Рад известить для объявления старикам кабардинцам: второй Кабардинский полк 24 числа под Царицыном атаковал пехоту, взяв пять пулемётов, 600 пленных и массу изрубив».

К сожалению, у меня нет фотографии Керима Хана Эриванского. А вот чтобы представить, как выглядели всадники Кабардинского конного полка во время Великой войны и Гражданской войны, привожу несколько фотографий. Не правда ли, выглядят всадники весьма своеобразно.

Их называли дикими за то, что они носили мохнатые папахи, яростно и смело, с криками шли в бой. Но в быту это были скромные, сдержанные люди.

Ещё служа в Кабардинском полку, Керим 28 февраля 1919 года был назначен помощником по военной части генерал-губернатора Юго-Западного Азербайджана, входящего в состав Азербайджанской демократической республики (АДР).

В том же году Керим, произведённый в полковники, вместе с Келбали Ханом Нахичеванским командовал Нахичеванским ополчением.

В конце апреля 1920 года АДР прекратила своё существование и была провозглашена Азербайджанская Советская Социалистическая Республика. Недолго существовавшая Азербайджанская демократическая республика была первым светским демократическим государством исламского мира, а также первым мусульманским государством, где женщины имели избирательные права.

Бывший гатчинский офицер-кирасир Керим Хан Эриванский скончался в 1937 году.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ